

Тот ребёнок — Аравис. В его памяти навечно запечатлелась картина: он, ещё младенцем, находится на борту космического корабля, а напротив него сидит опустившийся мужчина.

Представители расы сенле рождаются в зверином облике, но, достигнув определенного этапа взросления, обретают способность переключаться между звериной и человеческой формами. Мать Арависа, как гласят легенды, была в зверином обличье лунным оленем, а в человеческом — обладала роскошными, похожими на лунный свет длинными вьющимися волосами, чем до безумия очаровала Галлахера.

Аравис унаследовал материнские гены, поэтому тоже владел двумя ипостасями. В детстве он еще не мог должным образом контролировать смену облика, случайно показав Моцяню свою звериную форму. Аравис, будучи ребенком острым на язык, сам же и раскрыл секрет способностей Моцяня. В любом случае, это не было его осознанным признанием, так что нарушения клятв, данных старшим, не произошло. Два ребенка, за которыми дома присматривали слишком уж строго, стали единственными лучшими друзьями друг для друга. Моцяню было плевать на болтливость и чудачества Арависа, а Аравис не обращал внимания на занудство и нелюдимость Моцяня, так их дружба и сохранилась до сих пор.

Тот человек с двумя способностями, о котором Моцянь упоминал Майеру и остальным, и был Аравис. Помимо контроля над ментальным полем, второй его способностью было управление электричеством, однако применять её он мог только в форме оленя.

Благодаря дружбе с Арависом, Моцянь, понаблюдав некоторое время за Гунгуном, догадался, что тот может принадлежать к расе сенле. Поведение малыша вскоре лишь укрепило его в этой мысли. То, что он не передавал Гунгуна другим и скрывал его существование от всех, кроме обитателей базы, было продиктовано именно этими соображениями. Скрывать правду от Майера и остальных не было острой необходимости, но если бы он заговорил об этом сейчас, пришлось бы упомянуть Арависа, а он должен хранить тайну своего друга.

В любых вопросах, касающихся роста Гунгуна, лучшим советчиком был Аравис. Жаль только, что тот вечно пропадал в затворничестве, и Моцяню оставалось лишь оставлять ему короткие сообщения.

Теперь, когда Аравис вышел на связь, Моцянь наконец мог задать вопросы, которые не решался обсуждать с военным врачом.

25. Глава двадцать пятая

Моцянь надеялся получить от Арависа авторитетные ответы на все вопросы о развитии Гунгуна.

Увы, полезной информации Аравис мог дать совсем немного. Он и сам вырос как трава в поле, о материнском роде знал мало, тем более что Гунгунь, судя по всему, был совсем другой породы.

— Не переживай, — говорил Аравис. — По словам моего непутевого папаши, у сенле полно детей, брошенных родителями. Все они вырастают под присмотром сородичей, обладают отличной способностью к обучению и потрясающей адаптивностью. Твой малыш ведь растёт нормально? Я вот первые два с лишним года после рождения провел на корабле, и единственным, кто за мной ухаживал, был мой старый грубиян-папаша, пребывавший тогда в глубокой депрессии. Посмотри на меня сегодня: умный, сильный, красивый — это еще мягко сказано. Ты, конечно, зануда, но в разы лучше моего старика. Единственное, о чем стоит беспокоиться, так это о языковых навыках твоего пушистого комочка. Дай ему больше общаться с другими, ха-ха-ха!

Хотя Моцянь понимал, что Аравис над ним подшучивает, он все же серьезно задумался над этим вопросом и обнаружил, что малыш на самом деле очень любит болтать, особенно когда они остаются наедине — его «мм-м» звучат весьма складно.

— Могу я спросить дядю Галлахера? — несмотря на заверения Арависа, что беспокоиться не о чем, Моцянь хотел проявить осторожность.

— Я разве тебе не говорил? Ой, наверное, забыл. Я уже некоторое время не поддерживаю связь с отцом, и это было ожидаемо. Вырастив меня и проработав на семью более двадцати лет, он выполнил свой долг и наконец смог продолжить свои космические приключения. Сначала еще возвращался время от времени, а в этот раз предупредил, что улетит далеко, так что неизвестно, где он сейчас дрейфует.

Оба, и отец, и сын, любили исчезать в никуда, и Моцянь лишь безмолвно покачал головой.

— Если ты действительно не спокоен, после того как я завершу этот проект, я доберусь до планеты Борг, — продолжил Аравис. — Сейчас не могу, ты слишком далеко, а мое исследование на критической стадии. Я только что проконсультировался с профессором Салому и должен срочно вернуться в изоляцию.

Моцянь хорошо знал характер Арависа — вечно он был словно вихрь. Услышав, что проблем нет, Моцянь успокоился. Остальное подождет, сейчас главное — чтобы Гунгунь был здоров.

Они попрощались, и Моцянь уже собирался отключить связь, как Аравис внезапно заголосил:

— Ой-ой-ой! Из-за тебя отвлекся, чуть не забыл, зачем начал разговор. Угадай, что произошло?

Собеседник поправил свои полудлинные светлые волосы, и Моцянь понял: сейчас опять будет хвастаться. Если бы в этот момент с него снять очки, наверняка можно было бы увидеть в его глазах возбуждение, как у ребенка, поймавшего диковинную жужелицу.

Моцянь не стал спрашивать — он знал, что Аравис не выдержит и выложит всё сам.

Как и следовало ожидать, не продержавшись и трех секунд, Аравис продемонстрировал ему какой-то предмет.

Это был значок, выглядевший несколько непривычно. Моцяня осенила догадка: это знак Центра по исследованию и защите редких видов животных.

— Не ожидал? Этот красавчик — почетный член комитета Центра по исследованию редких видов! Ха-ха-ха! Видишь, в твоих делах всё равно пришлось участвовать мне. Считаю, сделал вклад в благо своих сородичей!

Этого Моцянь действительно не ожидал. Аравис числился в десятках исследовательских институтов, и, кроме него самого, никто не мог упомянуть, какими именно регалиями и удостоверениями он обладал.

Теперь решить возникшую проблему стало гораздо проще.

На следующее утро крупнейшее медиа Федерации Олай выпустило официальное видео, в центре внимания которого оказался блистательный молодой ученый Федерации с холодным и прекрасным лицом — Аравис.

Аравис заявил пять вещей.

Во-первых, обсуждаемое последние два дня неизвестное животное является видом из-за пределов системы Олай. Оно было спасено генерал-майором Моцянем с приграничной планеты из рук космических пиратов Жун-Ци. Сразу после спасения генерал-майор Моцянь доложил о ситуации ему, как почетному члену Центра исследования редких видов.

Во-вторых, животное, названное Гунгунем, при спасении было новорожденным и слабым, транспортировка на дальнее расстояние ему была противопоказана. Кроме того, первым существом, которого увидел Гунгунь, открыв глаза, был Моцянь. Из-за синдрома привязанности детеныша он принимал корм только из рук генерала. Чтобы спасти маленькую жизнь, в перерывах между тренировками и службой Моцянь уделял ему всё личное время.

В-третьих, Гунгунь отлично адаптировался к жизни на планете Борг и чувствует себя хорошо, а новые растения, выращиваемые сейчас на Борге, стали частью его основного рациона по его собственному выбору.

В-четвертых, согласно результатам полицейского расследования, Гунгунь подвергся нападению преступников, пытавшихся продать редкое животное. К счастью, генерал-майор Моцянь вовремя вмешался. Аравис, как авторитет в области биологических исследований, считает, что для безопасности и восстановления здоровья животного пребывание на планете Борг — лучший вариант.

В-пятых, он, как почетный член Центра, получил отчет об инциденте, но из-за занятости в своем исследовании не оформил документы вовремя, что и привело к текущему недопониманию. Он приносит извинения Центру, генерал-майору Моцяню, Гунгуню и общественности, а также с этого дня слагает с себя полномочия почетного члена Центра.

На видео Аравис был бесстрастен, но говорил искренне. А главное, его ослепительная внешность заставляла верить каждому слову, к тому же аргументы звучали убедительно и трогательно.

Майер, посмотрев ролик, заметил:

— Почему мне это кажется таким до боли знакомым?

Он украдкой посмотрел на своего командира.

Моцянь не стал рассказывать, что Аравис с детства был чудаком, но, поскольку дома от него требовали держать дистанцию и сохранять холодный образ, он выбрал Моцяня в качестве эталона для подражания. Всё, что делал Аравис на людях, было точной копией поведения самого Моцяня.

Каким бы Аравис ни был на самом деле, результат его выступления был мгновенным. В сети тут же воцарилось всеобщее одобрение: люди хвалили Моцяня, жалели Гунгуня и надеялись, что тот поскорее выздоровеет на Борге. Казалось, тех, кто кричал об изъятии животного в Центр, никогда и не существовало. А сотрудники самого Центра, даже если и давились от злости, больше не имели оснований для возражений.

Считая, что этого мало, Фиби подкинула в сеть еще больше информации. Пользователи, словно рыбки, получившие корм, тут же сгрудились вокруг, воцарилось невероятное оживление.

Увидев действия Фиби, группа из четырех сослуживцев не пожелала отставать: под зашифрованными никами они опубликовали море фотографий и видео. На одних Гунгунь спал в одеяльце, на других сидел на плече у Моцяня, на третьих Моцянь кормил его из бутылочки... Моцянь и не подозревал, что они успели снять так много!

На косой взгляд своего командира принцесса невозмутимо парировала:

— Малыш такой милый, не поверю, что вы, шеф, сами не снимали!

Моцянь промолчал. Конечно, он снимал. Сначала эти записи нужны были лишь для контроля роста малыша, чтобы показать Аравису. Но теперь... Он молча сохранил на своем личном планшете все те фото и видео, которых у него еще не было.

Сюн Мао пребывал в легкой растерянности — события развивались так быстро, что голова шла

кругом.

Помимо личных разговоров Моцяня и Арависа, о содержании которых он не знал из-за скрытности опекуна, в целом он понимал, что происходит. И именно от этого понимания ему становилось не по себе.

Только что он узнал о своем происхождении (да и то не факт, что это правда), как тут же стал объектом всеобщего внимания, а потом выяснилось, что его взрослые друзья коллекционируют массу его снимков, как обычных, так и весьма компрометирующих.

Сидя на коленях у опекуна, прислонившись спиной к его животу, Сюн Мао наблюдал за тем, как палец Моцяня пролистывает разнообразные кадры: где он в подгузнике сладко спит, где неуклюже переваливается, где грызет что-то, склонив голову, и, наконец, текущие кадры, где его конечности забинтованы. Впервые увидев себя, панду, со стороны, он испытал не только неловкость, но и странное умиление — особенно в те моменты, когда в кадр попадал опекун. Как же гармонично они смотрелись вместе!

Сюн Мао понимал, что панда на экране — это он, но чувство было таким, будто между ним и картинкой стоит преграда. Он ощущал жар обсуждений в сети и в то же время испытывал чувство отстраненности. Очень странный опыт.

В прошлой жизни он привык твердо стоять на ногах и не искал известности, но в целом понимал, что такая шумиха необходима: и для того, чтобы он мог остаться рядом с Моцянем, и для создания нужного имиджа опекуна. В конце концов, на него просто смотрят, а не делают чего-то плохого — на нем и так густая «шуба» из меха, да и повышенное внимание, как выяснилось, стало встроенной функцией вида «панда».

Когда всё это мелькание примелькалось, Сюн Мао успокоился, и его внимание переключилось. Хотя лицо опекуна он изучил до последней черточки, он всё равно поймал себя на мысли, что мужчина невероятно хорош собой! Это был идеал настоящего военного, каким он себе его и представлял: сильный, нежный, а внешность — лишь приятное дополнение. Если бы в этой жизни он сам был человеком, то, обладая хотя бы третью такой харизмы, просыпался бы с улыбкой до ушей.

Пусть это желание и неисполнимо, он всё равно невольно улыбнулся, глядя, как люди в сети на все лады восхваляют Моцяня. Сюн Мао одобрительно кивал головой. Всё верно! Моцянь самый лучший! Обожать его — единственное правильное решение! Герои думают одинаково!

Малыш в его руках потирал экран носом, время от времени кивая круглой головой, его мягкие ушки забавно подрагивали — казалось, он был очень возбужден, видя так много собственных изображений. У Моцяня тоже было отличное настроение. Он не ожидал, что Гунгунь станет настолько популярным, и испытал нечто вроде гордости. Вы правы, ребята, этот малыш — настоящее сокровище.

Ранее, еще до того как Гунгунь стал интернет-звездой, а его детские фотографии заполнили

сеть, один человек сделал огромный крюк, осторожно избегая слезки, чтобы вернуться в свое жилище.

— Пятый брат, посмотри, это та самая шерсть, которую я достал у того парня по имени Баро, — он осторожно развернул платок, обнажая пучок шерсти, заботливо завернутый в несколько слоев.

— Почему она серая? Я видел фотографии с космопорта Мицзи, там животное было однозначно черно-белым!

— Неужели этот Баро нас надул? Если это так, начальство нас живьем сожрет!

— Все равно надо попробовать. Прежде чем отдавать наверх, проверим. Тем более я сегодня еще не принимал лекарство.

— Эй, эй, Пятый брат, тот Баро ведь говорил, что надо принимать вместе с вином, чтобы эффект был! Обожди, я схожу за бутылкой.

— Осторожнее, не дай ветру сдуть эти волоски. Бережно выбери одну.

— Ну что, Пятый брат, какой вкус?

— Только вином и отдает. Такая мелкая шерстинка, какой может быть вкус? Подожди, будь готов дать мне лекарство, если не будет эффекта, я пропал.

— Не бойсь, Пятый брат, я всегда наготове!

26. Глава двадцать шестая

Манлин работала в санатории, расположенном на планете с самой благоприятной экологией во всей Федерации. Красивые пейзажи, мягкий климат, разнообразные оздоровительные услуги и внимательный сервис — обычно люди, оказываясь в таком месте, чувствуют себя счастливыми, но пациенты, живущие здесь долгое время, оставались безучастными.

Эти люди страдали от синдрома отчужденности — странного поражения мозга, лишаящего интереса к окружающему миру. Хотя больные не испытывали мучительной боли, они были неспособны чувствовать радость. На текущий момент медицина еще не нашла методов исцеления от этого современного недуга.

В плане выживания ничего критического в этой болезни нет, поэтому семьи с невысоким достатком не придавали этому большого значения. Однако для богатых людей это было огромной проблемой, и они тратили баснословные деньги на попытки лечения.

Манлин, будучи бригадиром сервисной службы, каждое утро начинала с обхода своей зоны ответственности: проверяла, всё ли готово для пациентов и не требуются ли дополнительные услуги. В то утро она начала работу по расписанию.

Не успела она закончить обход, как заметила нечто странное. Почти все пациенты смотрели на своих планшетах или мониторах видео с участием Гунгуня.

Она знала об этом животном. Та история в космопорте Мицзи... Хотя Манлин сама была матерью пятилетнего ребенка, она оставалась преданной фанаткой генерал-майора и тотчас увидела новости. Тогда Гунгунь выглядел грязным комочком, и ни о какой миловидности речи не шло. Но вскоре сеть заполнили красивые фото и видео, и Манлин, изначально искавшая информацию о Моцяне, почувствовала, что её сердце не выдержало — как может животное быть настолько милым?

Семья Манлин была покорена: сын упрашивал завести Гунгуня дома, муж притворялся равнодушным, но не пропустил ни одной фотографии. Друзья в социальных сетях также восхищались.

Поэтому нет ничего странного в том, что пациенты санатория тоже следили за ним, ведь одним из врачебных предписаний было «интересоваться новинками». Удивляло другое: Манлин впервые увидела, как пациенты улыбаются. Опасаясь, что ей показалось, она переспросила дежурный персонал и получила утвердительный ответ.

Поразмыслив среди цветов, она бросила дела и побежала в медицинский отдел.

Оказалось, что все врачи уже собрались на совещание: они заметили эту аномалию и обсуждали её. К вечеру санаторий опубликовал официальное заявление о том, что визуальное наблюдение за Гунгунем оказывает положительный терапевтический эффект при синдроме отчужденности. Они просили Моцяня продолжать публиковать записи роста питомца.

В прошлом такое объявление, лишенное доказательств и выглядящее несколько самонадеянно, никто бы не заметил, а если бы и заметили, закидали бы насмешками. Но теперь оно собрало тысячи лайков.

Манлин лишь подумала: молодцы!

— Отлично сработано! — Янь Нань в восторге сжала кулаки. Её сообщение мгновенно разлетелось в сети.

В чате однокурсников тоже всё пестрело обсуждениями. Девушки уже дошли до того, что обсуждали цвет «ресниц» Гунгуня и бренд подгузников, которые он носит. Кто-то уверял, что уже видел бренды, претендующие на «оригинальную модель как у Гунгуня».

Среди сообщений в духе «я таю», «вызывайте скорую, я умираю от мимимишности» и «дадут ли десять лет за проникновение на военную базу ради этого крохи», проскакивали восторженные отзывы о Моцяне.

— Генерал-майор улыбается Гунгуню так красиво! Если бы он так улыбнулся мне, я бы училась лучше всех!

— Я же говорила, что он нежный человек в глубине души. Такая нежность сильного мужчины просто неотразима.

— Раньше считала Моцяня недосыга уникальным, никто из мужчин или женщин его не достоин, но почему я теперь не ревную, когда он возится с Гунгуном? Герой и его питомец — это так мило!

Все дружно соглашались.

Вдруг кто-то закричал:

— У меня есть самый полный набор фото Гунгуна и Моцяня, видео разбиты по кадрам. Кому нужно?

Чат был моментально затоплен просьбами «мне, мне, мне».

Ся Ци был поражен. Гунгунь, конечно, милый, и всем на Борге он нравился, но никто не вел себя так неадекватно. Почему люди снаружи так помешались?

Фиби объяснила грубоватому мужчине:

— Всё потому, что на Борге одни суровые военные, у них иммунитет к милоте. А внизу, в обществе, многие женщины готовы сдать сразу. Плюс эффект толпы. Герой-генерал и инопланетный пушистик — это просто ядерный взрыв популярности.

Принцесса, лучше всех разбирающаяся в психологии, получила одобрение, но была утащена Блю Йе и Майером на полигон — видимо, тренировать «выдержку».

Тем временем сам Моцянь и Сюн Мао уже отсекали весь этот шум, вернувшись к своим обычным будням.

Лекарство военного врача сработало отлично, раны Сюн Мао зажили. Бинты сняли, и, за исключением пары мест с редким пушком, следов травмы не осталось.

Однако Моцянь, казалось, всё ещё переживал. Во время купания Сюн Мао заметил, что, касаясь места бывшей раны, мужчина непроизвольно замедлял движения. Малыш издал звук, показывая, что боли нет, но мужчина всё равно осторожничал.

Кроме этого, в последние дни опекун стал носить его на руках гораздо чаще и дольше. Пока он лечился, это было нормальным, но теперь, когда он уже мог бегать сам, Моцянь всё равно постоянно носил его в кровать, из кровати и на прогулки. Считая себя уже взрослой пандой, Сюн Мао чувствовал неловкость, но сопротивляться не спешил.

<http://bllate.org/book/19102/1876165>